

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И. А. ОССОВЕЦКИЙ

О ЯЗЫКЕ РУССКОГО ТРАДИЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА

Язык русской устной поэзии представляет собой сложное по генезису образование, изучение которого за последнее время разворачивается все более интенсивно. Основные усилия исследователей направлены на выявление специфики языка фольклора и его отношения к народным говорам и к общенациональному языку. Изучение языка произведений устной поэзии имеет очень большое значение не только само по себе, но и для познания данного языка в целом¹.

Тот или иной фольклорный текст (былина, песня, сказка и т. д.) представляет собой идиоматичный вариант, единичный и неповторимый, который отличается не только от вариантов этого же текста разных исполнителей, но и от вариантов одного и того же исполнителя, записанных в разное время. Разнообразие вариантов определяется творческой индивидуальностью исполнителя, по-своему воссоздающего фольклорный текст. «Каждый вариант принадлежит своему автору, индивидуально отличному от исполнителей других вариантов. Каждый певец поет свою песню, каждый горит своим огнем пафоса и напряжения, каждый выливает былинку под индивидуальным освещением своего воззрения и чувства»². Сказанное в полной мере относится и к текстам других фольклорных жанров.

При создании конкретного варианта традиционность выразительных средств фольклора диалектически сочетается с импровизацией, поэтому все варианты того или иного фольклорного текста, при всей их индивидуальной художественной идиоматичности, имеют общую основу, которая определяется традицией. Система реализованных конкретных вариантов одного и того же фольклорного текста образует инвариант, который можно интерпретировать как конструкт, идеальный текст. «В фольклоре, — пишет П. Г. Богатырев, — соотношение между художественным произведением, с одной стороны, и его объективацией, то есть так называемыми вариантами этого произведения при исполнении его разными людьми, с другой стороны, совершенно аналогично соотношению между *langue* и *parole*. Подобно *langue*, фольклорное произведение велично и существует только потенциально, это только комплекс известных норм и импульсов, канва актуальной традиции, которые исполнители расцветивают узорами индивидуального творчества, подобно тому как поступают производители *parole* по отношению к *langue*»³. Такая двойственная природа фольклорно-

¹ Ср.: А. П. Евгеньев, Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII — XX вв., М.—Л., 1963, стр. 3.

² А. П. Ск а т т м о в, Поэтика и генезис былин. Очерки, Москва — Саратов, 1924, стр. 46—47.

³ П. Г. Б о г а т ы р е в, Фольклор как особая форма творчества, в его кн.: «Вопросы теории народного искусства», М., 1971, стр. 374.

го текста, его одновременная соотнесенность с вариантом и инвариантом составляет одну из основных черт произведений устной поэзии⁴.

Иногда случается так, что при создании фольклорного текста момент импровизации отсутствует совершенно. Тогда вариант теряет значительную долю художественного интереса, потому что в этом случае он превращается в своего рода дублет с тождественными друг другу композиционными частями. Такова, например, былина «Добрыня и Василий Казимирович. Добрыня в отъезде», которую сказитель П. И. Рябинин-Андреев записал сам от себя, повторив слово в слово все встречающиеся в былине традиционные утробения⁵. С другой стороны, недостаточное соблюдение традиции и излишне свободная кантаминация былинных сюжетов, например, у сказителя В. П. Щеголенка послужили причиной того, что его былины показались собирателю П. Н. Рыбникову совсем неинтересными⁶.

Язык фольклора — понятие очень широкое, неоднозначное и многогранное. В разных фольклорных произведениях он представлен крайне разнообразно. В общем плане язык фольклора можно интерпретировать как метасистему, включающую в себя подсистемы отдельных его жанров, в которых она конкретно реализуется. В пределах жанра язык фольклора представляет собой более однозначное стилевое образование, хотя расхождения и могут наблюдаться, если жанр достаточно разнообразен; ср., например, язык фантастической сказки и сказки новеллистической. Язык разных жанров фольклора находится в разных отношениях и к конкретным говорам, и к диалектному языку, и к языку общенациональному.

Неоднородно по содержанию и понятие синхронной системы языка разных жанров фольклора, неодинакового по «глубине захвата» различных исторических напластований национального языка. В одних жанрах в синхронную систему их языка вовлекаются факты только современного языка, в других широко используются архаичные, с точки зрения нефольклорного языка, факты, которые в системе языка данного жанра превращаются в выразительные средства, трансформируясь в язык искусства, в котором разные по генезису и по употребительности в нехудожественном языке факты становятся равнофункциональными. Гетерогенность всех таких языковых фактов нивелируется на уровне языка данного художественного произведения.

Система языка фольклора варьируется также и в зависимости от географического фактора и прежде всего потому, что в разных местностях бытуют разные жанры фольклора. Например, на севере России в понятие языка фольклора включается такая обширная идиоматичная система художественного языка как язык былин, причитаний лиро-эпического склада и некоторых других жанров. Кроме того, и лирика севера и юга России тоже неодинакова, что объясняется не только различием диалектной языковой базы. В связи с этим в языке разных жанров отражаются говоры разных местностей, обладающие иногда значительным фондом диалектных различий разных уровней как между собой, так и между тем или иным говором и литературным языком.

Весьма значительны языковые особенности, связанные с разделением всех фольклорных текстов на такие, исполнение которых представляет

⁴ Ср. замечания В. Я. Проппа о том, в каких звеньях процесса создания конкретного варианта сказки сказочник творчески свободен и в каких несвободен (В. Я. Пропп, *Морфология сказки*, 2-е изд., М., 1969, стр. 101—102).

⁵ См. «Былины в двух томах», I, М., 1958, стр. 86—113. Такие дословные повторения в тексте былины, по справедливому замечанию авторов комментария, вызывают «впечатление некоторой искусственности» (стр. 515).

⁶ П. Н. Рыбников, *Заметки собирателя*, в кн. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», 1, 2-е изд., М., 1909, стр. LXXXII—LXXXIII.

собой пение или речитатив, в отличие от текстов, которые сказываются. В этих текстах к специфике стихотворного языка присоединяется еще и специфика языка поющего текста; снимается речевая интонация, имеющая семантико-грамматическую функцию, ее отсутствие восполняется другими, эквивалентными ей формальными средствами, например, особой синтаксической организацией поющего текста⁷. Нет сомнения, что такие функционально эквивалентные средства имеются и в языке былины; исследование их языка с этой точки зрения представляется весьма интересным.

Очень сложно отношение языка художественного произведения к языку нехудожественному. Оно реализуется в сопоставлениях и противопоставлениях иерархического типа в соответствии с характером сопоставляемых величин. Язык фольклора как язык устной поэзии соотносится с нефольклорным языком в разных аспектах. Прежде всего, это соотношение языка фольклора с общенародным языком, под которым понимается весь русский язык в целом; как литературный, так и русские народные говоры. С каждой такой языковой подсистемой язык фольклора имеет свои сложные и специфические взаимоотношения, которые не позволяют факты языка фольклора прямолинейно сопоставлять с фактами какой-либо из перечисленных языковых подсистем. Однако некоторые исследователи языка фольклора как бы забывают о специфике своего материала и без каких-либо специальных разъяснений непосредственно сопоставляют его с литературным языком, что в настоящее время выглядит уже анахронизмом.

Другие исследователи сопоставляют язык фольклора с каким-либо конкретным говором или говорами. Это сопоставление более закономерно, потому что оно реализуется в пределах более близких подсистем, чем язык фольклора и литературный язык. Однако при таком сопоставлении и вообще при изучении языка фольклора в диалектологическом аспекте тоже необходимо помнить о специфике сопоставляемых величин.

Язык фольклора — это язык устной поэзии, которая бытует среди носителей народных говоров. Поэтому каждый вариант — это текст на том или ином народном говоре русского языка. Вопрос заключается в том, представляет ли данный текст произведения фольклора только языковые средства данного говора или же для реализации своего варианта исполнитель выходит за пределы языковых средств своего говора и в процессе исполнения привлекает к созданию своего варианта такие языковые средства, которых в говоре может и не быть и которые поэтому заимствуются из другого источника, чем данный конкретный говор. Сложность этой проблемы, сложность понимания проблемы инвариант — вариант в применении к произведениям фольклора приводила к неоднозначному решению вопроса об основах языка фольклора, о его специфике, о его отношении к конкретному говору, к диалектному языку и к русскому языку в целом. Решение этой проблемы во многом зависело от того, что брали в качестве основного объекта исследования; данный конкретный вариант произведения фольклора, или систему всех его вариантов, или же тот или иной жанр фольклора в целом.

Уже Фр. Миклошич отмечал непрерывность процесса создания произведения фольклора, из чего можно было сделать вывод о непрерывном включении современного языка герм. диалекта в языковую ткань произведения фольклора. «Песня, — писал он, — пока живет, находится в состоянии непрерывного созидания; она и древняя, и молода в одно и то же время; древняя по первоначальному зерну, так как оно восходит ко времени

⁷ См. об этом: Е. Б. Артеменко, К вопросу об основной структурно-семантической единице русской народной лирической песни, «Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та», 81. Вопросы грамматики, стилистики и диалектологии русского языка, 1968.

воспетого события, и молода в своей настоящей форме»⁸. В дальнейшем все чаще и определеннее подчеркивается тесная и органическая связь языка фольклора и местных говоров, которые многие исследователи начали интерпретировать как основную языковую базу фольклора. «Понятие „говор“ охватывает не только бытовую разговорную речь, — пишет А. П. Евгеньева, — но и лучшие образцы говора, которые нужно искать не только в длительной связной речи (выступления на собраниях, рассказы о событиях), но и обязательно в устном народном творчестве»⁹.

В другой работе А. П. Евгеньева пишет, что «о древнейших событиях сказители говорят с в о и м ж и в ы м я з ы к о м»¹⁰. Эту мысль А. П. Евгеньева неоднократно повторяет в ряде своих последующих работ, развивает и доказывает ее с привлечением нового материала и в результате тщательных наблюдений над большим фактическим материалом приходит к выводу, что «понятие „язык устного творчества“ принципиально не отличается от понятия „язык художественной литературы“, так как тот и другой — язык словесного искусства, язык художественных произведений»¹¹.

Отмечалось также, что язык фольклора образует особый функциональный стиль диалектного языка¹².

Все эти положения нуждаются в корректировании и уточнении. Язык фольклора в целом — это не «литературная форма диалекта», а значительно более сложное образование системного характера, определенный континуум, где диалектически сплавлены его образующие, т. е. и конкретные народные говоры, и диалектный язык как система всех соответственных диалектных явлений, и общенародный язык в целом как метасистема русского языка, причем все эти элементы представлены в языке фольклора не только в их современном состоянии. Поэтому аналогия между языком фольклора и языком художественной литературы представляется незакономерной, если иметь в виду художественную литературу нового времени.

Современный писатель может вводить в свое произведение любые элементы, например, диалектные или даже иноязычные. Языковые факты разных стилей в контексте художественного произведения приобретают эстетическую функцию и превращаются в его активный компонент. Тот или иной факт литературного языка воспринимается как элемент языка художественного или нехудожественного не сам по себе, не как таковой; он становится элементом языка художественного или нехудожественного только в соответствующем контексте.

Язык фольклора иначе соотносится со своей языковой базой, чем язык современной художественной литературы с литературным языком, он насыщен множеством фактов, принадлежащих к разным уровням языковой системы, специфичных только для него и не встречающихся в обиходной диалектной речи. В сплаве с диалектной основой языка фольклора образу-

⁸ Фр. Миклошич, Изобразительные средства славянского эпоса. (Читано в заседании Венской Академии Наук 3 июля 1889 г.), перевод А. Е. Грузинского, М., 1895, стр. 3.

⁹ А. П. Евгеньева, О языке фольклора, «Р. яз. в шк.», 1939, 4, стр. 53.

¹⁰ А. П. Евгеньева, Язык былин в записях XVII в. (Автореферат), ИАН ОЛЯ, 1944, 4, стр. 168.

¹¹ А. П. Евгеньева, Очерки..., стр. 7. См. также: Л. И. Бараников, Народное-поэтическая речь и ее место в системе функционально-стилевых различий диалектной речи, в кн.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка. Труды седьмой научной конференции кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья», Саратов, 1965, стр. 259.

¹² «Вопросы теории лингвистической географии», под ред. Р. И. Аванесова, М., 1962, стр. 10.

ется идиоматичная, замкнутая система, которая интегрируется из самых разнообразных фактов и конкретных говоров, и диалектного языка, и общенационального языка, а также включает в себя факты, представляющие результаты имманентного развития языка фольклора как системы. За пределами произведений фольклора эта система как единое целое не встречается. Язык фольклора нельзя отрывать от его почвы — народных говоров, но нельзя не видеть и того, что их различает. Такая неидентичность языка фольклора и народного говора не только не предполагает, но и непременно обязывает анализировать язык фольклора в его связях с народными говорами.

Язык фольклора обладает такой системой характеристик, которые выводят его далеко за пределы конкретного говора со всеми его стилями. Поэтому незакономерна параллель между языком фольклора и языком современной художественной литературы; язык фольклора имеет приметы единого стиля, особенно в пределах отдельных жанров, а язык художественной литературы таким единством стиля не обладает. Трудно согласиться с Л. И. Баранниковой, которая утверждает наличие именно типологического сходства между языком фольклора и языком художественной литературы¹³.

Отличие языка фольклора от языка художественной литературы не представляет собой постоянной величины, оно неодинаково на разных этапах развития данной национальной художественной литературы, которая развивается, приспособляясь к новым эстетическим критериям читателей, в то время как эстетика фольклора изменяется медленно, и это изменение нередко влечет за собой не трансформацию жанра, а его исчезновение или же перерождение в другой жанр. Ср. угасание эпической традиции и исчезновение былин в устном бытовании, ср. переход некоторых лирических песен в частушки, жанр сравнительно новый в фольклоре¹⁴.

✓ Тесная связь языка фольклора с народными говорами (при всех различиях между ними) натолкнула некоторых исследователей на мысль сравнить факты конкретного говора с фактами языка произведений фольклора, записанных от носителей этого же говора. Такую попытку предприняла О. И. Богословская, которая изучила некоторые грамматические категории языка былин (имена существительные, имена прилагательные, местоимения, синтаксис), записанных от Рябининых (Трофима Григорьевича, Ивана Трофимовича, И. Г. Рябинина-Андреева и П. И. Рябинина-Андреева) и сравнила их с соответствующими данными кижских говоров. В результате такого сопоставительного изучения О. И. Богословская пришла к выводу, что «языковой состав былин в основном отражает языковую систему того современного ей говора, в области распространения которого живет былина»¹⁵. О. И. Богословская вслед за А. П. Евгеньевой говорит о языке фольклора как о «литературной» форме говора¹⁶, не учитывая, однако, специфики этого понятия в применении к языку фольклора и нетождества его понятию литературного языка и языка художественной литературы. Выводы О. И. Богословской недостаточно доказательны и потому, что ее материал неоднороден, он собран разными лицами и в разное время (например, былины, записанные от

¹³ Л. И. Баранникова К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи, «Вопросы стилистики», II, Саратов, 1965, стр. 146.

¹⁴ С. Г. Лазутин, Русская частушка, Воронеж, 1960.

¹⁵ О. И. Богословская, Синтаксические диалектизмы в языке былин сказителей Рябининых, «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», XV, 1, 1958, стр. 76.

¹⁶ О. И. Богословская, Соотношение народно-поэтической и народно-разговорной речи на материале системы именного склонения в былинах сказителей Рябининых и в кижских говорах Заснежья. АКД, 1965, стр. 9.

Т. Г. Рябикина, и записи самой О. И. Богословской). Более доказательны выводы И. К. Зайцевой, которая произвела записи некоторых говоров Воронежской области и сравнила материал этих говоров с материалом лирических песен, которые она же записала от носителей этих же говоров¹⁷. Такого рода материал исследования достаточно надежно застрахован от многих случайностей экстралингвистического характера (несинхронность записи, разные говоры, отражение личности разных собирателей и т. п.).

И. К. Зайцева анализирует фонетику, употребление предлогов и лексику в народных песнях и в говорах, где записаны эти песни. На всех этих уровнях автор отмечает черты как общие с нехудожественной речью, так и специфически песенные образования, что не позволяет автору отождествить по составу язык изученных песен с народными говорами; язык фольклора нельзя считать «литературной» формой диалекта также и потому, что в языке фольклора, как показывает И. К. Зайцева, имеются не только факты, специфичные именно для художественного языка, но и факты нехудожественной речи, пришедшие в процессе миграции из других говоров и иносистемные для данного говора и потому превратившиеся в воспринимающей языковой среде в факт языка художественного, в факт языка фольклора.

Миграция фольклорного текста влечет за собой трансформацию фактов обиходного языка, приобретающих в разных языковых системах дополнительную экспрессию, дополнительную семантику, которая может стать художественно выразительной. Таким образом, основой языка фольклора является система общенационального языка, которая по-разному реализуется в литературном языке и в народных говорах. Тем самым в языке фольклора теснейшим образом спаяны в органическое единство данный говор с его общерусской основой, широкий междиалектный фонд и специфические факты поэтического языка.

Язык фольклора характеризуется набором определенных языковых средств и определяется прежде всего его художественной функцией, а также устной традицией, которая способствовала выработке в нем этих специфических языковых выразительных средств.

В языке фольклора наблюдается много нехарактерных для нефольклорного языка фактов, которые наблюдаются на всех уровнях. Можно отметить, например, вставку гласных в группы согласных при пении или йотацию начальных гласных слога (*юж ты, веснушка-весна... ю ворот, ю ворот сасенушка стояла...* и под.)¹⁸, что встречается не только в русском песенном фольклоре, но и в фольклоре других славянских народов. В морфологии отдельные специфичные для языка фольклора факты представлены архаизмами¹⁹, имеющими разное происхождение. Своеобразна лексика фольклора, она включает в себя много архаизмов, а также большое количество номинаций неизвестных исполнителю реалий, что иногда обуслав-

¹⁷ И. К. З а й ц е в а, Некоторые фонетические особенности языка русской народной песни (На материале песен Воронежской области), «Труды Воронежск. гос. ун-та», 63, 1961; е е ж е, Сравнительная характеристика вокализма обиходно-бытовой речи и песенного языка, в кн.: «Материалы по русско-славянскому языкознанию», Воронеж, 1964; е е ж е, Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта. АКД, Воронеж, 1965; е е ж е, Некоторые лексические отличия языка народных песен и говоров, в кн.: «Материалы по русско-славянскому языкознанию», II, Воронеж, 1966; е е ж е, К вопросу о песенных «новообразованиях», в кн.: «Материалы по русско-славянскому языкознанию», III, Воронеж, 1967.

¹⁸ П. Г. Б о г а т ы р е в, О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи, ВЯ, 1962, 3. См. также названные выше работы И. К. Зайцевой.

¹⁹ И. А. О с с о в е ц к и й, Язык фольклора и диалект, в кн.: «Основные проблемы впаа восточных славян», М., 1958.

ливает большую вариативность этой лексики (ср. старчище *пилигримище* и старчище *полигримище*; копье *мурзамецкое*, *муржамецкое*, *мурзинское*, *бурзомецкое*, *бурзуменское*...; седло *черкасское*, *черкальское*, *черкальсато*...; шелк *шемаханский*, *шемахатный*, *шаматынский*, *шанский*, *муханьский*... и др.) или же приводит к образованию новых сложных слов (*шляпа землегрецкая*).

Специфичен и очень эстетически нагружен синтаксис языка фольклора, особенно его песенных жанров. Для него характерен принцип симметрии, реализующийся в синтаксическом параллелизме разного типа. Эти синтаксические факты детально рассмотрены на материале языка эпоса ²⁰.

Очень своеобразен и интересен синтаксис языка песенной лирики, его изучение принесло интересные результаты ²¹.

К числу наиболее специфичных черт синтаксиса произведений фольклора нужно отнести их поэтическую фразеологию, характерную для каждого жанра. В пределах жанра, а тем более в пределах инварианта, типичные ситуации действия, обстоятельства и т. п. при изложении расчленяются, примерно, одинаково; такие типичные места представляют собой как бы матрицу с одной или несколькими незаполненными ячейками, которые в конкретных вариантах заполняются, примерно, одинаковым языковым материалом. Так возникает поэтическая фразеология, более или менее стабильные языковые формулы с идентичным содержанием. Поэтическая фразеология представляет собой художественные лексико-синтаксические единства разной степени обобщенности. Она включает в себя сочетания художественного определения (эпитета) с определяемым, стабильные синтаксические конструкции со словами-символами и с заданной экспрессией (например, различные виды параллелизмов), обобщенное обозначение пространства, времени, качества, количества путем перечисления конкретных частных составляющих (*Из Индеи... из Карели... Из Галича...* «откуда-то издалека»; *За двенадцать год да за тринадцать лет*, *За тринадцать лет с половиною* «давно»; *Приносила... кунью шубоньку*, *кунью шубоньку соболиную* «очень дорогую»; *А и три их четыре татарина* «много»), зачины, запевы, концовки и мн. др. Широко применяется поэтическая фразеология при изображении персонажей. Примером поэтической фразеологии в былинах могут служить так называемые типические места *loci communes* такие, как описание пира, прихода богатыря на пир, описание боя, процесса седлания коня и мн. мн. др. ²². Типические места есть и в лирических песнях. Эта поэтическая фразеология особенно отчетливо осознается и относительно легко вычленяется из текста в инвариантах.

При всем своем богатстве и разнообразии поэтическая фразеология очень стабильна как в отношении компонентов, так и в отношении общего значения. Ее структурной и смысловой устойчивости способствует традицион-

²⁰ А. П. Евгеньева, Очерки...

²¹ Е. Б. Артеменко, Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне. АКД, Воронеж, 1958; е е ж е, О некоторых особенностях порядка слов в русской народной лирической песне, «Труды Воронежск. гос. ун-та», LXIII, 1961; е е ж е, К вопросу об основной структурно-синтаксической единице русской народной лирической песни; е е ж е, К вопросу о взаимодействии синтаксического и поэтического строя русской народной лирической песни, «Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та», 68, 1969; А. Т. Хроленко, Паратактические конструкции в русской народной лирической песне и проблема их продуктивности в современном фольклоре. АКД, Воронеж, 1968; е г о ж е, К вопросу об особенностях словосочетаний в русском фольклоре (Аппозитивные сочетания в языке русской народной лирической песни), «Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та», 56. Научно-практические очерки по русскому языку, 3, 1969.

²² П. Д. Ухов, Атрибуции русских былин, М., 1970.

ность фольклора, а также то, что традиционный фольклор почти прекратил свое активное бытование и, следовательно, не развивается и не изменяется. Степень семантического слияния компонентов поэтической фразеологии очень неодинакова, начиная от незначительных сдвигов значения компонентов (например, сочетания с постоянными эпитетами) и кончая полной несводимостью общего значения к сумме значений компонентов. Проблема состава и функции поэтической фразеологии фольклора совершенно не разработана.

Хотя язык фольклора и представляет собой целостную систему, однако из этого вовсе не вытекает, что он состоит лишь из одних фольклорно-языковых экзотизмов и что элементы его системы не встречаются за ее пределами. Специфика языка фольклора заключается не только в том, что в нем употребляются формы, неизвестные в обиходно-разговорном нехудожественном языке, но и в том, как сконцентрированы те или иные факты языка, какова степень их «загущенности» сравнительно с языком нефольклора, какова степень преимущественного употребления тех или иных фактов языка в соответствии с художественным заданием, какова сравнительная частотность одних и тех же языковых фактов в фольклоре и нефольклоре. Большая продуктивность того или иного языкового факта в фольклоре тоже особенность его языка, потому что в данном случае специфичен не материал, а иные параметры его употребления. В качестве примера можно привести хотя бы относительное сгущение именных суффиксов субъективной оценки в лирических песнях, особенно семейно-бытовых, что объясняется определенной их эмоционально-идейной установкой; относительное количественное преобладание увеличительно-уничтожительных именных суффиксов в былинах при обрисовке образа противника, относительно широкое использование бессоюзных сложных предложений в пословицах, постпозиция прилагательных в лирических песнях, паратаксис в песнях и др.

Экспрессивно-выразительные средства языка фольклора, представляющие собою конечный результат его имманентного развития и не имеющие распространения в нефольклорном языке, представлены в фольклорных текстах на очень широком фоне не маркированных стилистически общезыковых фактов. Особенности распределения этих языковых средств в сочетании с языковыми средствами, специфичными только для языка фольклора, в основном и формируют систему языка устной народной поэзии в целостное образование. В этом процессе формирования диалектически сочетаются качественные и количественные факторы, которые будут в известных пределах колебаться, потому что языковая основа этой системы характеризуется диалектными различиями. Кроме того, распространение некоторых жанров фольклора территориально ограничено (например, былин), поэтому элементы, составляющие систему языка фольклора, на разных территориях будут варьироваться, что существенным образом сказывается на ее характере²³.

Язык фольклора, как и все в целом фольклорное произведение с его идейно-образной системой, по-разному воспринимается с диалектных языковых позиций и с позиций литературного языка. С позиции носителя литературного языка все то, что отличается от кодифицированных норм, воспринимается как эстетически маркированное, все это обогащается эстетическим «приращением смысла», имеет остранный характер, причем по эстетической функции совпадут как собственно художественные языковые средства фольклора, так и его диалектные черты, которые как ино-

²³ Необходимо также учитывать и колебания признаков системы языка фольклора внутри жанра, зависящие от территории (например, оловецкие былины и донецкие былины, причитания на севере и причитания на юге и т. д.).

системные для носителя литературного языка тоже будут стилистически маркированными, как и многие факты диалектной нехудожественной речи, относящиеся, с точки зрения диалекта, именно к нехудожественному стилю речи. Впечатление образности, яркости, выразительности диалектной речи у носителя литературного языка носит субъективный характер и определяется лишь отношением диалектных языковых фактов к фактам литературного языка. Иносистемные языковые факты на фоне привычной обиходной речи всегда воспринимаются как более выразительные.

В принципе так же будет восприниматься произведение фольклора и с точки зрения носителя какой-либо частной диалектной системы, потому что и для него в языке этого произведения тоже будут иносистемные элементы. Однако для носителя диалекта в произведении фольклора эстетически значимых элементов этого типа будет меньше, и круг их будет иной, чем для носителя литературного языка, потому что часть фольклорных фактов, которые для носителя литературного языка в той или иной степени стилистически маркированы, для носителя данного диалекта лишена какой бы то ни было художественной выразительности и входит в фонд обычных речевых средств родного ему диалекта. Для носителя диалекта набор эстетически значимых языковых фактов фольклорного произведения будет иным, чем для носителя литературного языка в том же произведении. Это будут факты других говоров, пришедшие с фольклорным текстом и не совпадающие с соответствующими фактами данного говора, междиалектные языковые факты, историзмы и генетические архаизмы, а также все собственно выразительные языковые средства фольклора.

Язык фольклора — это язык художественного произведения, с исходной коммуникативно-эстетической функцией. Многие его составляющие и возникали именно как элементы языка искусства, как выразительные средства. Чтобы выделить именно эти генетически эстетические средства языка фольклора и отделить их от тех средств, которые определяются как выразительные только из сопоставления с литературным языком, анализ художественных языковых средств фольклора надо начинать с учета отношений внутри одной системы, т. е. внутри того говора, на котором реализуется то или иное произведение фольклора. Тогда многое из того, что в тексте произведения фольклора носитель литературного языка будет воспринимать как художественное средство, как образ, на самом деле окажется фактами языка нехудожественного, фактами обиходной речи. Например, тавтологические сочетания в произведениях фольклора обычно воспринимаются как художественный прием, однако во многих говорах они представляют собой факты обиходной речи и лишены какой бы то ни было эстетической нагрузки²⁴. Даже иное, чем в литературном языке, лексическое наполнение в языке фольклора общей модели тавтологического словосочетания воспринимается носителями литературного языка как выразительное средство: ср. литературное и диалектное словосочетание *гром гремит* и словосочетания *дождь дождит стук стучит* и мн. др., стилистически немаркированные с точки зрения носителя диалекта, но маркированные с точки зрения носителя литературного языка. Такие словосочетания встречаются и в народном эпосе, и в народной лирике, и в прозаических жанрах.

Повторение предлогов многими носителями литературного языка тоже воспринимается как художественный прием, хотя во многих говорах, и

²⁴ Ср. тавтологические сочетания в говоре д. Деулино: *вилбм вить, глбтом глбтъ, кбтом катѣтъ, тбском татѣтъ* и мн. др. [«Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)». Материал собрали и словарь составили Г. А. Барыкова, Т. С. Коготкова, Е. А. Пекрасова, И. А. Оссовецкий, В. Б. Силина, К. П. Смолина. Под ред. И. А. Оссовецкого, М., 1969].

северно- и южнорусских, это обычные факты нефольклорной обиходно-разговорной речи. Точно так же некоторые словосочетания, например, лирических песен, воспринимаемые как художественно-метафорические, представляют собой обычные словосочетания нехудожественного языка. Весьма возможно, что многие эпитеты в былинах — *калена стрела, доспехи булатные, седельшико черкасское* и мн. др. — генетически восходят к обычным определениям.

Один и тот же комплекс фонем в очень близких, но не тождественных языковых системах имеет неодинаковую семантическую структуру, и это определяет неодинаковый характер его восприятия у носителей этих систем, для которых этот комплекс фонем будет по-разному стилистически маркирован. Примером может послужить слово *грозный*, которое в фольклорных текстах часто встречается в сочетании со словом *туча* (*туча грозная*):

Подымались да *тучи грозные*

Что со всех да четырех сторон:

С северной стороны да с полуденной,

Со восточной за со западной ²⁵

Из-за лесу, лесу темного,

Из-за садика зеленого

Выплывала *туча грозная*,

Туча грозная с сильным дождем,

С сильным дождем, с крупным градом ²⁶.

А как со восточню-ту стороночку

А не темная *туча тучилась*,

А как темна *туча* как ведь *грозная*,

А как *туча тучилась*, как бы гром гремел,

Как бы гром гремел да частой мелкой дождик шол ²⁷.

Если словосочетание *туча грозная* в составе фольклорного текста из одной языковой подсистемы, где *грозный* имеет значение «грозовой» и где словосочетание *туча грозная* имеет вполне конкретный прямой смысл ²⁸, переходит в другую языковую подсистему, где есть два слова: *грозный* «грозный» и *грозовой* «грозовой», то для носителя этой системы словосочетание *туча грозная* приобретает метафорический смысл, отсутствующий в исходной системе, и все словосочетание превращается в художественно-образное. Мы не знаем, к какой из двух упомянутых языковых систем относятся те говоры, на территории бытования которых записаны процитированные выше примеры, поэтому и не можем с достаточной доказательностью квалифицировать словосочетание *туча грозная* в этих примерах как стилистически маркированное или же стилистически нейтральное. Носители же литературного языка, которые составляют основной контингент читателей сборников фольклорных текстов, воспринимают словосочетание *туча грозная* как метафорическое, стилистически маркированное, в полном соответствии со своей языковой системой.

²⁵ «Чердынская свадьба», записал и составил И. Зырянов, Пермь, 1969.

²⁶ В. М а г н и т с к и й, Песни крестьян села Беловоложского Чебоксарского уезда Казанской губернии, Казань, 1877, № 40 (цит. по кн.: «Русские народные песни», М., 1957, стр. 223).

²⁷ «Беломорские былины, записанные А. Марковым», М., 1901, стр. 437.

²⁸ Ср.: «Дъ йѣгъ нѣ туча [об облаке], а туча прѣдѣтъ, уром как ударѣтъ, знѣтътъ, туча урѣзѣтъ. [— Любая туча грозная?] — Йесѣтъ урѣзѣтъ, а йесѣтъ так прашлѣ, бѣз урѣтъ, бѣз мѣланѣтъ» («Словарь современного русского народного говора», стр. 127).

Примерно такая же картина наблюдается в отношении слова *хоровод* в таком, например, отрывке:

Как у наших у ворот,

.

Стоял девок *хоровод*,

Молодушек табунок ²⁹.

Вполне можно допустить, что собиратель при записи этой песни словом *хоровод* заменил менее понятное или показавшееся «искажением», но как будто одинаковое по значению слово *корогод* или *коровод*, широко распространенное в говорах и, в частности, в тех, на территории бытования которых была записана цитированная песня (б. Чебоксарский уезд) ³⁰. Это слово известно в значении «группа лиц, небольшое собрание людей» ³¹, а не «старинный массовый танец», для обозначения которого в говорах употребляется и слово *круг* и словосочетание *водить круга* ³². Контекст песни как будто подтверждает такое предположение. Если оно верно, то словосочетание *девок хоровод* имеет стилистически нейтральный, «бытовой» характер, а не стилистически маркированный, как это воспринимается, например, носителями литературного языка.

Однако многие факты, возникшие в нехудожественном языке, могут играть роль и стилистических средств, потому что в процессе жизни и развития диалекта они могут приобрести определенную экспрессию.

Таким образом, к проблематике языка фольклора необходимо подходить с учетом генетического аспекта, чтобы выделить сначала первичные, исконно выразительные средства. На эти средства наслаиваются факты нехудожественного языка, приобретшие эстетическую функцию или в процессе имманентного развития системы языка фольклора или из сопоставления языка фольклора с нефольклорным языком, диалектным и литературным.

Язык фольклора образно отражает действительность. Непосредственно же в устной народной поэзии представлена особая фольклорная действительность, которая во многих своих аспектах представляет собой идеальный вариант действительности. В связи с художественной задачей сконструировать в фольклоре идеальную действительность в языке фольклора формируется своя система, свой мир денотатов, не совпадающих с денотатами естественного языка. В лирических песнях формируется свой песенный быт, в былинах излагается своя былинная история, формируется своя география, мир образов волшебной сказки сконструирован не непосредственной действительностью, а фантастическими представлениями о ней. С точки зрения былинной истории нет противоречия в том, что, например, Скопин-Шуйский сидит на пиру князя Владимира, что Марина (ее прообраз — историческая Марина Мнишек) в союзе с Тугарином строит козни против Добрыни, с точки зрения былинной географии возможны сближения и даже слияния таких географических точек, которые в реальной действительности находятся на большом расстоянии друг от друга.

С точки зрения песенного быта, особенно быта свадебных песен, вполне правдоподобно, что крестьянская девушка одета в шелк и парчу, украшена

²⁹ В. Магнитский, Песни крестьян..., № 4.

³⁰ См. «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», М., 1957, карта № 84.

³¹ Ср. «Вот събаруцца бабы д'ва — тр'и — вот ы кырауѳт. — С'ид'ат' кырауѳт мужукѳ» («Словарь современного русского народного говора», стр. 241).

³² Ср.: «уѳдавыи пр'аз'ник'и в'инк'и зъ'ив'ал'и и кр'ууам хад'ил'и, п'ес'ни пур'ал'и... Так'иш уш п'ес'яи пад'них был'и. — На Тр'ицу зъ'ив'ал'и в'анк'и, бабы пр'ихад'ил'и сн'ар'ажныи... Крууа вод'ут', п'ес'ни пур'айут'» («Словарь современного русского народного говора», стр. 254).

золотыми кольцами, сидит в златоверхом тереме и т. д. Лексика всех этих фольклорных произведений соответствует фольклорным же денотатам. Пейзаж, быт, внешность героев приподняты над бытом, реалистические детали переосмысливаются и переводятся в идеальный план. «Мир былины проходит непрерывно в представлениях о том, что должно быть, вместо того, что есть. Былины и в сюжетах своих почти целиком охвачены восторгом и мечтой об идеальных качествах героя... Общей приподнятостью в некий воображаемый мир лучшего всегда пронизан и аксессуарно-обстановочный слой былины (декоративная идеализация). Коротко брошенными чертами идеального убранства, обстановки, всяких принадлежностей костюма, жилища, утвари и т. п. былина всегда создает колорит идеально украшенного мира»³³. Потеря связи с реалиями может быть различной. Например, игра в шахматы в некоторых былинах изображается хотя и приблизительно, но похоже, а в других былинах — это какая-то неопределенная игра. Можно думать, что сказитель былин вряд ли конкретно представляет себе, например, помещение, которое он называет *гридней*, или оружие, которое он называет *палицей*, сказочник тоже вряд ли конкретно представляет себе царский дворец, царские наряды. Значения слов, обозначающих все такие реалии, теряют свою лексическую определенность, слово превращается в условный знак для обозначения чего-то, не вполне ясно представленного, оно приобретает символическое значение, которое поддерживается и развивается и другими художественно-языковыми приемами. Реализм здесь доведен до символа, это своего рода символический реализм.

Устная народная поэзия в целом отражает также и реальную жизнь в ее конкретных проявлениях, например, в новеллистических сказках, частично в семейно-бытовых песнях и т. д., однако в традиционном фольклоре его почвой является не только реальная жизнь, но и тот идеальный быт, который конструируется в произведениях фольклора его создателями. Многие объекты традиционного фольклора условны, его лексика отражает действительность часто в фантастическом преломлении. Многие реалии фольклора связаны с религиозными представлениями древних славян, они соотносятся с ритуалом, а не с конкретно реалистической, бытовой действительностью. Многие мотивы архаического фольклора тоже ближе к религиозной системе, к ритуалу, чем к повседневной действительности³⁴. Лексика в таком фольклоре приобретает метафорический характер, ее конкретная информативность уменьшается. Семантика этой лексики задана заранее, задача ее соответствовать ритуалу, а не рисовать конкретную реалистическую ситуацию. При анализе семантики фольклорной лексики всегда необходимо учитывать этот семиотический аспект фольклора, его остаточную ритуальность. Например, *лебедь*, *ворон* — это и разные птицы, и «светлое» и «темное»³⁵; *лес* — это «лес» и «не-дом, нечто чужое»³⁶ и т. д.

Условность художественной модели действительности в произведениях устной поэзии выражается не только в условности места действия, например, в сказках (*в тридевятом царстве, близко ли, далеко, низко ли, высоко и под.*), но и в условности фольклорного времени³⁷. В фольклоре широко наблюдается переключение из правды деталей, вещей, конкретного хода событий в правду характеров, этики, морали, исторической концепции.

³³ А. П. Скафтымов, Поэтика и генезис былин, стр. 123.

³⁴ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские моделирующие семиотические системы (Древний период), М., 1965.

³⁵ Там же, стр. 138—139.

³⁶ Там же, стр. 168.

³⁷ Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, Л., 1967, стр. 224—253.